
СЕКЦИЯ 8

КИТАЙ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ КИТАЯ В ЮЖНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ

А.С. Бельчикова

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 20, 220030, г. Минск, Беларусь, nice.belchikova@mail.ru*

В данной статье рассматриваются общие мотивы Китая в Южно-Китайском море путем изучения его внутренних приоритетов и внешних факторов, которые побуждают правительство стремиться к контролю над спорными водами. Сначала в ней будут изложены опубликованные морские претензии Китая, а затем будут рассмотрены экономические мотивы, такие как рыболовство и разведка углеводородов, а также геостратегические мотивы, такие как отказ США в доступе к Южно-Китайскому морю, чтобы минимизировать их стратегическую уязвимость и т.д.

Ключевые слова: Китай; Южно-Китайское море; «девятипунктирная линия»; территориальные претензии.

CHINA'S ECONOMIC AND GEOSTRATEGIC MOTIVATIONS IN THE SOUTH CHINA SEA

A. S. Belchikova

Belarusian State University, Leningradskaya st., 20, 220030, Minsk, Belarus

This article outlines China's general motivations in the South China Sea, by examining its domestic priorities and the external drivers that incentivize the government to seek control over the disputed waters. It will first lay out China's published maritime claims, and then examine the economic motivations of fishing and exploration of hydrocarbons as well as the geostrategic motivations of denying the US access to the South China Sea to minimize its strategic vulnerabilities.

Key words: China; South China Sea; «nine-dash line»; territorial claims.

Территориальные претензии Пекина в Южно-Китайском море очерчены «девятипунктирной линией», которая охватывает до 90% спорных вод в регионе. Линия, состоящая из девяти пунктов, проходит к югу от Тонкинского залива вдоль побережья Вьетнама, поворачивает на восток вдоль берегов Малайзии и Брунея и простирается на север от за-

падного побережья Филиппин к югу Тайваня. «Девятипунктирная линия» закладывает основу для претензий Пекина на суверенитет над всеми территориями в четырех островных группах, включая острова Пратас, Парасельские острова, острова Спратли, атолл Макклсфилд и риф Скарборо. Китай также претендует на внутренние воды, территориальные моря и прилегающие зоны, основанные на этих островах, а также их исключительные экономические зоны (ИЭЗ) и континентальные шельфы [5].

Прежде чем рассматривать, каким Китай утверждает свой суверенитет над спорными территориями, несмотря на решение Международного арбитража в 2016 году, необходимо изучить мотивы, лежащие в основе того, почему Китай претендует на такую большую часть Южно-Китайского моря. В данной статье анализируются две категории, которые могут объяснить мотивы Китая – экономические и геостратегические. Конкретные экономические мотивы включают потребность Китая в поддержании запасов рыбы и его желание использовать возможные источники углеводородов, которые находятся на морском дне. С другой стороны, геостратегические мотивы основаны на желании лишить США доступа к Южно-Китайскому морю, чтобы свести к минимуму стратегическую уязвимость, с которой сталкивается Китай в регионе.

Тем не менее, существует важная третья категория, которая может дополнительно объяснить мотивы Китая – политический стимул для удовлетворения националистических настроений среди китайского населения в целях обеспечения легитимности режима. Суть спора сосредоточена вокруг суверенных претензий Китая на эти объекты в Южно-Китайском море. Отказ от своих территориальных претензий в Южно-Китайском море может создать у общественности впечатление, что Китай идет на компромисс со своим суверенитетом, что вызывает в памяти общественности «век унижения» Китая. Хотя можно утверждать, что правительство стимулировало националистические настроения среди людей для обеспечения внутренней поддержки в условиях экономического спада, сегодня реальность такова, что национализм связан с легитимностью режима, и китайскому правительству приходится серьезно с этим бороться. Таким образом, еще одним важным фактором, объясняющим мотивацию Китая в Южно-Китайском море, может быть политический стимул для поддержания легитимности режима путем удовлетворения общественного национализма [1].

Первым экономическим мотивом является рыбная ловля. Китай является крупнейшим в мире экспортером морепродуктов, и его внутреннее потребление рыбы составляет более трети мирового спроса на рыбу – 92,7 млн тонн в 2020 году, при этом этот показатель должен расти на 6%

каждый год. Таким образом, рыбная промышленность составляет значительную часть китайской экономики, поскольку в 2020 году ее экспорт составил около 20,7 млрд долларов США. Прибрежные провинции, особенно менее развитые, еще больше полагаются на морское рыболовство, поскольку рыболовство считается одним из столпов местной экономики. Внутри страны потребление морепродуктов на душу населения, по прогнозам, достигнет не менее 36,9 кг на душу населения к 2022 году, при этом Министерство сельского хозяйства Китая поощряет большее число китайцев потреблять морепродукты в качестве более эффективного источника белка. Кроме того, в рыбной промышленности Китая занято около 14 млн человек, при этом до 44 млн граждан также зарабатывают на жизнь рыбой. Таким образом, китайская экономика также зависит от местных рыбаков в обеспечении достаточного предложения для удовлетворения внутреннего спроса на рыбу [4].

Таким образом, экономические выгоды, которые Китай получает от экспорта рыбы и рыбных продуктов, создают для него настоящую необходимость поддерживать способность китайских рыбаков обеспечивать хороший улов. Тем не менее, из-за ограниченного количества рыбы в море китайские рыбаки конкурируют с рыбаками из других государств-предъявителей претензий Юго-Восточной Азии за рыбные запасы, поскольку последние также полагаются на рыбу для получения средств к существованию. Кроме того, проблема перелова рыбы и истощения рыбных запасов как минимум на 50% в Южно-Китайском море к 2045 году означает, что такая конкуренция усилится.

Заявляя о суверенитете над спорными объектами в Южно-Китайском море, Китай, таким образом, получит доступ к рыбе и морским ресурсам без конкуренции со стороны других государств-предъявителей претензий в регионе, поскольку он имеет полное право вести промысел в пределах своей ИЭЗ.

Вторым экономическим мотивом является разведка нефти и газа. Считается, что в Южно-Китайском море содержится около 11 миллиардов баррелей нефти и 190 триллионов кубических футов запасов природного газа на его морском дне. Большая часть разведанных запасов нефти и газа сосредоточена вдоль границ спорных вод, а не под островами или рифами. В этом свете отказ Китая от решения по Южно-Китайскому морю имеет большое значение. Отказываясь признать, что ни один из островов Спратли не может создать ИЭЗ в 200 морских миль, Китай сигнализирует о том, что он все еще видит шанс, если он будет контролировать острова, получить беспрепятственный доступ к запасам нефти и газа, которые находятся в пределах 200 морских миль от спорных объектов.

В результате быстрого и резкого экономического роста за последние четыре десятилетия Китай стал сильно зависеть от нефти и газа в качестве источников энергии для поддержания своей промышленности и экономики. Спрос на нефть и газ в стране продолжает расти, и к 2040 году планируется увеличить спрос на нефть на 19%, а на газ - на 166%. Разработка нефти и газа в Южно-Китайском море по-прежнему привлекательна для Китая из-за близости этих ресурсов к материку, что позволяет Китаю перебрасывать военную силу с материка для защиты их разведки и разработки [2].

Более того, производственных мощностей Китая недостаточно для удовлетворения внутренних потребностей в энергии для дальнейшего роста. Следовательно, она по-прежнему будет зависеть от импорта нефти и газа. Прогнозируется, что его спрос на импорт нефти вырастет на 9%, а спрос на импорт газа - на 5% в период с 2017 по 2040 год. Тем не менее, большая часть поставок энергоносителей в Китай проходит через политически нестабильные регионы, включая узкие проливы, которые потенциально могут стать «бутылочным горлом» и проблемными водами, такими как Персидский залив и Южно-Китайское море. Кроме того, отношения Китая с его ключевыми партнерами по торговле энергоносителями на Ближнем Востоке осложнены неопределенностью. Его модели торговли энергоносителями с Ираном демонстрируют, что международные события, особенно санкции в отношении Ирана, могут повлиять на их торговые отношения, ограничивая количество нефти, которую Китай может импортировать из Ирана. Кроме того, Китай опасается, что эти важные судоходные маршруты также могут быть заблокированы США или их региональными союзниками и использованы в качестве стратегического рычага против Китая. Таким образом, контроль над Южно-Китайским морем позволит Китаю обеспечить постоянную открытость узких морских путей в это море для бесперебойных поставок импортной нефти и газа.

Хотя обещание обильных запасов нефти и газа, обнаруженных в Южно-Китайском море, может спровоцировать попытки Китая доминировать в спорных водах, он также стремился сотрудничать с другими государствами-предъявителями претензий в споре посредством совместных проектов по разведке энергетических ресурсов. Например, Китай недавно организовал совместное геологоразведочное предприятие с Филиппинами в Западной части Филиппинского моря, причем Пекин пообещал Маниле 60% всех сделанных открытий. Аналогичным образом, Бруней получает инвестиции в размере более 3 млрд долларов США от китайско-брунейской совместной компании для создания интегрированного нефтеперерабатывающего завода у берегов Брунея. Поскольку многие из бло-

ков разведки и разработки государств-предъявителей претензий в Юго-Восточной Азии попадают в «девятипунктирную линию», готовность этих последних государств приступить к совместным проектам по разведке имеет важное значение для Китая, поскольку это узаконивает «девятипунктирную линию». Соглашаясь работать с Китаем, это означает, что государства-предъявители претензий предоставляют Китаю доступ к ресурсам нефти и природного газа на территории, на которую они претендуют, даже если их претензии пересекаются и оспариваются. Таким образом, эти проекты поддерживают притязания Китая на территории в пределах «девятипунктирной линии», поскольку они заинтересованы в добыче ресурсов в спорных районах [5].

Экономические факторы, хотя и необходимы, недостаточны, чтобы полностью объяснить, почему Китай стремится контролировать Южно-Китайское море, особенно с помощью нынешних методов, которые они используют. Однако, если бы Китай руководствовался исключительно экономическими мотивами, крайне маловероятно, что он стал бы осуществлять свою деятельность в «серой зоне». Примеры такой деятельности включают китайскую нефтяную вышку Hai Yang Shi You (HYSY) 981, которая отказывала вьетнамским судам в доступе к району, в котором она проводила разведочное бурение, даже несмотря на то, что она бурила в водах, на которые претендует Вьетнам. Аналогичным образом, в июне 2019 года китайское судно якобы протаранило и потопило филиппинское рыболовное судно, стоявшее на якорю возле Рид-Бэнк. Вместо этого он признал бы, что экономическое сотрудничество было бы более разумным, чем методы запугивания и преследования, для поддержания хороших экономических отношений с другими государствами-предъявителями претензий Юго-Восточной Азии [3].

Аргумент чисто экономических мотивов также не учитывает время деятельности Пекина в «серой зоне», что кажется иррациональным, если Пекин ищет только экономические выгоды. В июле 2019 года Вьетнам направил вооруженные суда береговой охраны в знак протеста против того, что китайское исследовательское судно Haiyang Dizhi 8 зашло в воды вблизи контролируемого Вьетнамом атолла Авангард для проведения сейсморазведки. Это привело к недельному противостоянию между береговой охраной двух стран, которое могло перерасти в конфликт. Помимо того, что такое противостояние подрывает экономическое сотрудничество Китая с Вьетнамом, оно также потенциально может поставить под угрозу способность Китая углублять экономическое сотрудничество с Юго-Восточной Азией в целом.

Основным геостратегическим мотивом является отказ США в доступе к Южно-Китайскому морю. Поскольку Китай принял рыночную эко-

номику как часть своей политики открытия и реформ, безопасность торговых путей и морских коммуникаций в этом море стала жизненно важной для его дальнейшего экономического роста и выживания [1].

США ценятся государствами Юго-Восточной Азии как зарубежный противовес и стабилизатор в регионе. Из-за их относительно небольшого размера и влияния на международном уровне по сравнению с Китаем государства Юго-Восточной Азии опасаются доминирования последнего, особенно в контексте их неуверенности в благосклонности Китая как регионального гегемона. Хотя государства Юго-Восточной Азии рассматривают Китай как важнейшего экономического партнера, они считают США важными в обеспечении своей безопасности, особенно в поддержании порядка в регионе.

Развитие технологий ограничения и воспреещения доступа и манёвра (A2/AD) вдоль побережья Китая является важным проявлением дискомфорта Китая в отношении США в Южно-Китайском море и, соответственно, в Индо-Тихоокеанском регионе. A2 /AD состоит из ряда взаимосвязанных ракет, датчиков, систем наведения и других технологий, предназначенных для ограничения свободы передвижения, чтобы удерживать любую потенциальную враждебную державу, включая США, от вмешательства в конфликт у побережья Китая или от нападения на материковую часть Китая. Китай также якобы разработал новую баллистическую ракету средней дальности, оснащенную боеголовкой, которая потенциально может дать ему возможность атаковать с материка крупные корабли США, такие как авианосцы, далеко в море. Такой потенциал подрывает ключевое преимущество, на которое сегодня полагаются США в военном отношении, – способность развертывать операции морской авиации вблизи Тайваня или других потенциальных горячих точек в регионе [3].

Тем не менее, хотя эти разработки в области A2/AD представляют геостратегические интересы Китая в Южно-Китайском море, Китай вряд ли будет стремиться к тотальной войне с США, чтобы контролировать воды. Это связано с множеством факторов. Во-первых, это зависимость и интеграция Китая в существующий либеральный порядок, от которого он выиграл и не проявляет намерения создавать альтернативный порядок. Кроме того, Китай вряд ли обгонит США по своему военному арсеналу. В-третьих, Китаю также не хватает стратегических союзников в регионе, несмотря на его попытки поддержать региональные многосторонние институты, такие как АСЕАН. Напротив, США сегодня являются союзником или стратегическим партнером почти всех важных действующих лиц в регионе. Вместо этого эти разработки в области A2/AD сле-

дует интерпретировать как форму компромисса со стороны Китая, чтобы компенсировать военное превосходство США.

Эти события, инициированные китайцами, проливают свет на то, почему недостаточно просто использовать экономические объяснения для понимания амбиций и деятельности Китая в Южно-Китайском море. Вместо этого Китай стремится получить беспрепятственный доступ к энергетическим и рыбным ресурсам в Южно-Китайском море без значительного противодействия со стороны государств региона и США. Отказ США в доступе к Южно-Китайскому морю дополнительно подрывает способность небольших государств Юго-Восточной Азии балансировать против Китая и защищать себя от потенциальных преследований Китая и утверждения его власти в спорных водах. Таким образом, достижение своих геостратегических интересов, заключающихся в отказе США в доступе к Южно-Китайскому морю, также позволяет Китаю обеспечить свои экономические интересы, что, таким образом, снижает важность первого по сравнению со вторым. Таким образом, основной мотив Китая в Южно-Китайском море носит геостратегический характер.

Библиографические ссылки

1. Emmerson D.K. Why Does China Want to Control the South China Sea? / D.K. Emmerson // The Diplomat. 2016.
2. Kuo M.A. The Geopolitics of Oil and Gas in the South China Sea / M.A. Kuo // The Diplomat. 2018.
3. Ott M. The South China Sea in Strategic Terms / M. Ott // Asia Program. The Wilson Center. 2019.
4. Tsirbas M. Saving the South China Sea fishery / M. Tsirbas // Law of the Sea in South East Asia. New York: Routledge. 2020.
5. Zhen L., What's China's "nine-dash line" and Why Has It Created so Much Tension in the South China Sea? / Liu Zhen // South China Morning Post. 2016.